

Юноши поспешили обернуться и увидели длиннобородого монаха, одетого в до ужаса изодранную рясу. Он пьяно покачивался и в конце концов рухнул прямо перед монахами-воинами.

— Кто эти люди? — забормотал пьяный монах. — Почему их еще не прогнали?

— Шиди, что у этого человека? — хмуро спросил Лин Цзюнь.

— Удар спящего архата[1]? — неуверенно пробормотал в ответ Бо Юн. — Из всех боевых техник... только эта подходит.

Человек в паланкине рассмеялся.

— Это не удар спящего архата. Он просто пьян.

— Просто... пьян? — ошарашенно повторил Бо Юн.

Монах, о котором они говорили, довольно рыгнул, отчего двое монахов-воинов презрительно скривились.

— Шисюн, это... что это за люди, а? — пьяный монах несколько раз попытался встать, но снова и снова ноги его подводили.

Почтенный Фалань вновь покачал головой то ли отвечая на вопрос пьяного шиди, то ли просто укоряя того за ненадлежащее поведение.

— Даже у пьяного монаха столь высокий уровень способностей? Обман... Я разберусь с ним, — Лин Цзюнь потерял терпение и шагнул вперед, поднимая меч.

Но, как бы он ни хотел напасть, пьяный монах все еще беспомощно барахтался на земле. Наконец он неуверенно поднялся и выхватил меч из рук монаха-воина, стоявшего рядом.

— Эх, ты! — расхохотался он. — Не ешь мясо, не пьешь вино и не предаешься разврату. Потому-то в твоей технике Меча, нарушающего заповеди, чего-то недостает. А теперь смотри внимательно!

И пьяный монах небрежно махнул мечом.

Это, казалось, был обычный взмах, однако все присутствующие почувствовали волну воздуха. Время будто застыло. Ветер стих, и птицы умолкли. Даже листья застыли в полете. Пока меч двигался, все вокруг будто прекратило существовать.

Лин Цзюнь и Бо Юн ощутили, что меч пьяного монаха был всюду: и в небе, и на земле. Ни птица, парящая в облаках, ни мышь, суеящаяся в норе, не смогли бы избежать удара. Остался лишь один исход – закрыть глаза и ждать смерти.

Что же до пьяного монаха, то он мигом выпрямился, будто и не двигался. Единственным, что подтверждало то, что всем присутствующим не почудилось случившееся, был сильный ветер, треплющий длинные одежды едва заметно улыбающегося, словно Будда, пьяного монаха.

— Это... все еще человек? — ошеломленно промямлил Бо Юн, опуская меч.

Как раз в этот момент ужасающая аура меча рассеялась. Лин Цзюнь и Бо Юн, уже смирившиеся со скорой смертью, поспешно оглянулись. Шторы, что до этого прикрывали окна паланкина, оказались разорваны в клочья. За редкими лохмотьями ясно виделась фигура мастера юношей. Мужчина медленно опустил руку и глубоко вздохнул.

Монах-воин, у которого только что выхватил меч пьяный монах, совсем не обратил на человека в паланкине внимания, ошарашенно таращась на того, кто сейчас держал его меч. На этого пьяницу всегда смотрели свысока. Его ни разу не видели изучающим учения Будды или занимающимся боевыми искусствами. Наоборот, он днями только и делал, что выпивал. Когда-то почтенный Мокэ сказал, что этот пьяница – самый талантливый ученик за последнюю сотню лет. Однако, если бы почтенный Фалань не заступался за этого "талантливого ученика", то его б уже давно прогнали взащей из храма. И теперь этот пьяница демонстрирует такой уровень, которого монах-воин не достигнет и за десять лет упорного труда!

Почтенный Фалань же совсем не казался удивленным и лишь привычно покачал головой.

— Шисюн, хватит качать головой. Раз уж другого выбора нет, то давай просто убьем их всех, — пьяный монах взмахнул мечом, перестав витать в своих мыслях.

Лин Цзюнь и Бо Юн оглянулись на своего мастера. Было кристально ясно, что юноши не могли противостоять пьяному монаху.

— Отступайте же, — улыбнулся человек в паланкине. — Тот, кого мы искали, сам пришел к нам. Не стоит дальше сражаться.

Пьяный монах взвил меч монаха-воина на плечо и повнимательней всмотрелся в говорящего человека. Совсем скоро он того узнал.

— О, так это действительно ты, женоподобный пройдоха, — скривился он.

Человек в паланкине рассмеялся, ничуть не затронутый словами пьяного монаха.

— Почтенный Фае, последний раз мы виделись двадцать лет назад, верно?

— Монах, если тебе надо куда-то пойти, но у тебя нет денег, то не стоит волноваться. Я, Сяо Сэ, могу одолжить тебе немного, и позже ты просто вернешь нужную сумму с учетом процентов. Если, конечно, у тебя вообще ни гроша в кармане, то я уж, так и быть, обменяю некоторую сумму денег на какую-нибудь редкую книгу. Но если ты даже пути никакого не знаешь, то тут я ничем не могу помочь. Ох, если бы мы с самого начала не плутали и пошли в нужном направлении, то даже не встретили бы тебя.

Сяо Сэ горестно вздохнул и тяжело уселся на плоский камень, лежащий у дороги. По лицу молодого человека было видно, что он совершенно не собирался продолжать путь в ближайшее время.

— Я могу сражаться, но с чувством направления у меня не очень, — смущенно почесал затылок Лэй Уцзэ. Если бы он знал, куда идти, то не пришел бы к таверне Сяо Сэ во время метели, а затем они бы не потерялись два раза к ряду во все той же метели. И в результате они так еще и не дошли до города Сюэюэ.

— Все в порядке. Я просто спрошу дорогу у кого-нибудь, — спокойно заверил своих спутников Усинь и устремился к ближайшему прохожему. — Мирянин, позволь мне спросить...

Однако не успел монах договорить, как человек, к которому он обращался, замахал руками, закачал головой и поспешил уйти.

— В западной области располагаются тридцать две страны, исповедующие буддизм. В сумме их жители разговаривают на семи-восьюми языках. На официальном говорят только в Центральной равнине. И тех, кто может говорить на нем, не так уж много. К слову, этот прохожий был явно не из их числа, — Сяо Сэ окинул Усиня насмешливым взглядом.

— Но э-э-э... что нам тогда делать? — неуверенно спросил Усинь. Вдруг он заметил монаха в винной лавке неподалеку и тотчас просиял. — Мне надо в храм Дафаньинь. Думаю, если мы просто пойдем за этим монахом, то достигнем нашей цели.

— Юйтянь - огромная страна. Тут на каждом сотом шагу буддийский храм. И ты думаешь, что мы дойдем до храма Дафаньинь, просто сев на хвост какому-то монаху? — хоть Сяо Сэ и раскритиковал план Усиня, но все-таки поднялся с камня. Пусть обычные люди здесь в большинстве своем не говорили на языке Центральной равнины, но пара-тройка монахов, понимающих его, должна была найтись. Идея казалась весьма неплохой: за монахом дойти до одного из храмов, а там уже пытаться выяснить дорогу в храму Дафаньинь.

Вот только... почему монах сидел в винной лавке? Даже если бы это была не западная область, известная своей аскетичностью, такое все равно выглядело чрезвычайно странно. Монахи Центральной равнины тоже не ели мяса и не пили вина. Редко где можно было встретить хотя бы упоминание о "трижды очищенном мясе[2]", а уж вино...

А тем временем монах привычным движением поднял бутыль вина и сделал большой глоток. Сяо Сэ и Лэй Уцзэ ошеломленно застыли. Да это, оказывается, не просто пьющий монах, это монах, имеющий поразительные способности к выпивке!

— Эта бутыль вина стоила бы в моей таверне два-три серебряных, — прищелкнул языком Сяо Сэ и оглянулся на Усиня. Молодой монах хмурил брови и оттого казался совершенно другим человеком. — Что такое?

Усинь молча шагнул вперед и потянулся к плечу пьющего монаха. Однако в этот момент тот, будто почувствовав движение, подхватил бутыль с вином и легко вспрыгнул на крышу лавки. Правда, в момент приземления он споткнулся о край и чуть не свалился на землю.

— Это мастер! — удивленно воскликнул Лэй Уцзэ. Сейчас он ничуть не жалел, что отправился бродить по миру боевых искусств. Мастера здесь встречались на каждом шагу и даже обычный монах, выпивающий на обочине, мог оказаться мастером!

Усинь без промедлений запрыгнул на крышу, но монах уже бросился прочь, однако без особой ловкости. Он бежал весьма примечательно: ноги его заплетались, тело опасно раскачивалось, так что казалось, будто он вот-вот рухнет. Однако в движениях монаха все еще чувствовалась поразительная ловкость, так что всего через несколько шагов Усинь отстал.

— Бежим? — вдруг спросил Сяо Сэ оцепеневшего Лэй Уцзэ.

Юноша на секунду задумался, а затем решительно кивнул.

— Бежим!

И он тоже вспрыгнул на крышу, намереваясь кинуться в погоню.

— Идиот! — разразился за его спиной проклятьями Сяо Сэ. — Я не спрашивал у тебя, побежим ли мы за ними! Я спросил, хочешь ли ты сбежать отсюда!

Но Лэй Уцзэ уже кровь в голову ударила от предвкушения погони. Раньше его тащил Усинь, потому как юноша был тяжело ранен, но теперь он чувствовал себя прекрасно и только и думал о том, как бы померяться силами с юным монахом. Однако если бы это был прошлый Лэй Уцзэ, то догнать Усиня стало бы для него непосильной задачей. Но после использования на нем юным монахом техники циркуляции Лэй Уцзэ чувствовал, что тело его стало легче, а дыхание — плавнее. Так что всего за несколько прыжков юноше удалось почти догнать Усиня и пьяного монаха.

Сяо Сэ тоже не отставал.

— Эх ты... — привычно ворчал он. — Это была прекрасная возможность сбежать. Неужто ты и

впрямь собрался в одиночку поймать этого монаха и вернуть его в город Сюэюэ? Ты хоть победить-то его можешь, а?

— Но ты же мне поможешь? — наивно улынулся Лэй Уцзэ.

— Тьфу, черт! — взвыл Сяо Сэ. — Чем ты слушал, когда я говорил, что не практикую боевые искусства?!

— Но твой цингун даже лучше, чем у меня! — оправдался Лэй Уцзэ.

— Если я не практикую никаких боевых искусств, то мне запрещено знать цингун? А как ты тогда предлагаешь мне спастись бегством? — резонно заметил Сяо Сэ.

— Но тогда в твоей таверне... Ты только махнул рукой, и все ставни захлопнулись, — Лэй Уцзэ вновь вспомнил так поразившую его сцену в таверне. Тот жест рукой был крайне необычен, и потому ясно отпечатались в сознании впечатлительного юноши.

— Это был простейший механизм, который я смастерил давным-давно, чтобы припугнуть возможных грабителей, — совершенно спокойно откликнулся Сяо Сэ.

— Это... — Лэй Уцзэ тотчас залился краской стыда. Оказывается, в мире боевых искусств не так уж много мастеров, зато полно обманщиков и шарлатанов.

Как раз в этот момент монах, за которым они гнались, отбросил в сторону пустую бутылку и спрыгнул во двор. Усинь быстро поймал бутылку и остановился. Он наклонился, аккуратно ставя бутылку на черепицу крыши и осматривая двор. Юный монах нахмурился.

— Ну и почему мы остановили погоню? — спросил Сяо Сэ. Затем он проследил за взглядом Усиня и удивленно распахнул глаза. — О, монах, похоже, на этот раз ты не прогадал. Мы и впрямь пришли туда, куда надо.

Во дворе стоял небольшой храм. Надпись на табличке, висевшей над входом, гласила: Храм Дафаньинь.

— Ну, раз уж мы добрались, то, может, зайдём? — спросил Лэй Уцзэ задумавшегося Усиня. Тот моргнул и вновь стал самим собой.

— И правда! Идем! — засмеялся Усинь и спрыгнул вниз. Сяо Сэ и Лэй Уцзэ последовали за ним.

Стоя перед храмом, молодые люди поняли, что он выглядел совсем не так, как они себе представляли. Посреди двора стоял роскошный паланкин, рядом с которым стояли четыре

носильщика. Тут же были и два прекрасных юноши. С первого взгляда можно было сказать, что они принадлежали к богатым семьям Центральной равнины. Что же до пьяного монаха, то он стоял перед входом в главный зал. Выглядел он бодро и могущественно, а в руках держал меч. Похоже, что обе стороны находились в напряженном противостоянии, но никто пока не смел сделать первый шаг.

Примечания:

[1] — 醉拳 - Удар спящего архата. Здесь подразумевается удар кулаком. Удар архата – реально существующая боевая техника, практикуется монахами в Шаолине (можете забить поиск на китайском, там даже видео есть). Архат – буддист, достигший высшего совершенства и свободный от дальнейших перевоплощений.

[2] — 三净肉 - Трижды очищенное мясо. Согласно концепции буддизма, монахам его можно есть. Трижды и очищенное следует из принципа: "Не видел и не слышал, как убивали. Не подозреваю, что убивали для меня".

<http://tl.rulate.ru/book/27215/1052078>